

[illegible]

* * *

1.

Раз-два-три-четыре-десять —
Вышел Петя. Что невесел?
Буйну голову на стол
что кладёшь как драгоценность?
Голова вмещает вечность!
Но не стоит ничего.
Кроме Пети одного.

2.

Я мужу галстук гладила а муж
Я собирала вчетверо футболки
Я полки протирала я была
А где же муж где муж мои объятья

....

А я не Оленька и это да печаль
Была бы цельна безостаточна светла
Но беглый взгляд нам говорит
Увы не Ольга

.....

Увы не Ольга
Так-то Оленьку ищу

3.

Какаямышь!
Ты погляди какая юркая, как прячется умело!

А кошка ловитмышь, кладёт её на сумку «Якитория» и смотрит:
- ну-ка, скоро ль побежит?
Мышиный бег из сумки прерывает кошка,
хватает и кладёт её назад и наблюдает.

- Давай её оставим кошке?
- Я устала, отбери её и отнеси в мусоропровод.
- Так со страху же помрёт!
- Умрёт и так, и так.

- Ты говорила – мышка-медиатор, и сказки мне читала, оля-оля ...

Страшитсямышь, но продолжает бег по ткани,
и вечность продолжается борьба,
имышь уже ползёт едва.

Вороний стук в окно отвлёт всех наблюдателей —
так просто.
И так мало, чтобмышь сумела уползти под холодильник.

А ночью кошка корм закатывала в щель
и двигала по кухне миску для воды,
заботясь о судьбе мышиной —
без морали.

* * *

К нам что-то приходит ночное порой,
скрежещет, ворчит, дребезжит.
Ну это, вы помните — зверем, дитём —
чу! — точит у стенки ножи —
в углу — телевизор пониже иконы
бормочет про таинство века иовом —

*а нам наплевать на таинственность века
а мы собираемся на дискотеку*

Кривая, косая, от века худая,
за счастьем своим — да хотя б с абдуллаем —
идём, да калошами грязь подбираем.
А в спину толкают, а в спину брехают,
А ноги калошами грязь загребают —
идём берегами, глухими садами,
ручьями идём, да слепыми домами
а кто-то всё плещется — зверем, дитём —
а мы всё идём да идём, да идём.

*ну вот и до клуба седыми домами
пойдём поскорее родимый за нами*

Вон харкает духом наш Вася — герой! —
у Васи контузия после второй —
штaketником сторож его наградил:
«Какой ты к херам ветеран?
На закусь ты яблоки рвал!
А то, что внутри он с дырой —
так это тут каждый второй»

А яблоня в поле одна!

По печени Васе всадили за клубом —
так это же «здравствуй» по-местному будет
по фельдшерке Свете Василий тащился,
а муж её бывший пошёл-на
на принцип
уже участковый не знает, кто ближе —
Василий, Светлана, иль муж её бывший
и в воздух стреляет — осечка, другая,
и вот он в толпу пистолет направляет —

Вот так мы с дырою внутри

к началу рассказа пришли.

Мы можем суметь дядю Гену из леса,
ларёчницу Зину, Нинванну с сельмага,
Серёгу с баяном, Пихтерю — с собеса!—
того, кто толкает вперёд колымагу —
и всё без надрыва, всё веком от века
в глухой стороне, на краю человека
ночное приходит и — зверем, дитём —
протяжную песню плетём да плетём.

* * *

— Бандиты — тоже люди, дорогая,
ну что же мы не люди — дорогая?
Возьмём тебя на стрелку, чтоб рамсила,
чтоб говорила все свои «понеже» —
от хохота умрут, поди, ребята
и скажут: «ну кого вы привезли?»
Давай своё про Гитлера, про войны,
про как там — гуманизм — ну чо зажалась?
Да ладно, мы не тронем, ты чего,
и винегрет свой заправляй, мечи на стол.

А я стою на погребке с картошкой
и рыбным фаршем —дёшево достался
и думаю: «вот только бы не в погреб».
А винегрет — ну ладно, что тут сделать.
А за окном орут на вишне соловьи,

и только бы соседи не вернулись —
мы сняли огромную квартиру,
мы все — студенты, нас двенадцать человек,
но все — студенты, эти — местная шпана.

Не помню, как оно всё замутилось,
как я проснулась, как хрипела кодла,
как я смогла в неё залезть и разделить
на части и за мной закрылась дверь.
Я оказалась в сиплом коридоре:
один орал от крови на лице —
ему почти отрезали ноздрю
и кровь лилась на грязные перила,
он смахивал её и взглядом мутным
ощупывал пространство и рычал.
И воздух вис. И речь не появлялась.

И я была на *этой* стороне.

Как бьётся дверь! Умелые удары
раскачивают дверь, а там — двенадцать
и кто-то уже прыгает в окно,
да точно, там танцор и он боится
и он летит в окно, страшнее травмы
та кодла — бьётся дверь — твои удары
страшнее, чем пришествие ... — о чём ты —
так бьётся дверь, как будто кровь в аорте
и хлещет ярость — благородные удары —
и помощь ниоткуда не придёт.

О чём я думала, когда к двери вставала?
Всё время, что по двери колотили
я ритм считала, чтобы встать к двери —
ведь там двенадцать, я случайно здесь осталась
и значит я должна, ведь кто-то должен!
Я встала, чтобы всё остановить —
безумная, понеже, тоже люди
про гуманизм, про зло, твои удары —

я встала я сумела я стою

